

Получив уведомление о зачислении, Ян Фанфан первым же делом передала его Ли Жуну.

В кабинете классного руководителя она сидела за своим столом, внимательно глядя на юношу.

— Поздравляю, — произнесла она. — Всё вышло заслуженно. Хотя и не без волнений, но результат того стоил.

Учительница не стала вдаваться в подробности, зная, что Ли Жун и так всё понимает.

Для человека, который в прошлой жизни уже оканчивал университет, вид письма о зачислении не вызывал бури эмоций. Юноша не собирался разыгрывать перед Ян Фанфан сцену со слезами радости, поэтому лишь бегло просмотрел документ. На мгновение его взгляд задержался на имени Цзян Вэйдэ, после чего он закрыл уведомление и небрежно сжал его в ладони.

— Спасибо.

Улыбнувшись, женщина напускным легким тоном добавила:

— Ну вот, ты освободился раньше срока. Теперь не придётся так разрываться. Слышала, ты даже умудряешься давать частные уроки? Нынешние отличники становятся всё предприимчивее.

Ли Жун ответил ей вежливой, едва заметной улыбкой.

— Нужно же на что-то жить.

Ян Фанфан знала, что у него остались родственники, но студент, очевидно, не поддерживал с ними связь, предпочитая самостоятельно зарабатывать на жизнь.

Вообще-то, в Школе А не приветствовалось, чтобы ученики подрабатывали, но случай Ли Жуна был беспрецедентным. Классный руководитель лично отстаивала его интересы на собрании, убеждая руководство школы дать юноше немного личного пространства.

К счастью, директора в Школе А оказались людьми понимающими. К тому же безупречная репутация родителей Ли Жуна и их бывшая доброжелательность заставляли руководство сочувствовать сироте. В конце концов, такая нагрузка никак не сказывалась на его оценках, а поскольку он был единственным в своем роде, можно было не опасаться, что другие ученики начнут ему подражать.

Ян Фанфан продолжала его подбадривать:

— Чем планируешь заняться в эти длинные каникулы? Хотя тебя и зачислили досрочно, по правилам ты всё равно должен посещать занятия. Но если возникнут важные дела, я выпишу тебе отгул.

— Хочу немного отдохнуть, — ответил Ли Жун.

Он не питал к учительнице никакого негатива. Она была обычным человеком, который реагировал на события самым естественным образом, и даже проявляла к нему некоторую жалость. В будущем же ему предстояло столкнуться со множеством людей, которые не только не разделят этих чувств, но и будут полны предубеждений.

И именно сквозь эти дебри предвзятости ему предстояло продраться, чтобы очистить имена родителей.

Заставить толпу, спрятавшуюся за принципом «закон не карает многих», признать свои ошибки — задача почти невыполнимая. Ли Жун старался не задумываться об этом слишком часто, боясь, что пропасть между мечтой и реальностью пошатнет его уверенность.

Школьные годы были для него лишь тихой гаванью. В Университете А, оказавшись среди «них», в окружении волчьей стаи, он вряд ли сможет чувствовать себя так же вольготно.

Ян Фанфан помедлила, прежде чем ответить:

— Отдых тебе не помешает. Ты и впрямь сильно вымотался.

Внезапно она поймала себя на мысли, что Ли Жун стал совсем высоким. Чтобы встретиться с ним взглядом, ей приходилось откидываться на спинку стула. Возможно, виной тому было его всё еще юное лицо или же воспоминание о том, каким дерзким он пришел в десятый класс.

Выйдя из кабинета, Ли Жун замер у дверей. Зажав уведомление под мышкой, он достал телефон и отправил сообщение тётё Хуэй.

[Тётя Хуэй, статья успешно опубликована, меня зачислили в Университет А]

Отправив сообщение, он оперся на перила и поднял взгляд на стеклянный потолок учебного корпуса.

В это время Сюй Танхуэй, скорее всего, только раскладывала товар.

Зима закончилась. На дорогах всё чаще мелькали люди, сменившие тяжелые зимние пальто на изящные плащи. На площади с фонтаном в Университете А всегда былолюдно, но желающих купить перчатки или шарфы весной становилось совсем мало.

Однако Ли Жун знал: как и в его прошлой жизни, она будет приходить сюда каждый день, без единого пропуска. Сюй Танхуэй всё еще надеялась найти того студента, которого когда-то встретила у дверей лаборатории — единственного человека, способного доказать её невиновность.

Прошло десять лет. За такой срок человек меняется до неузнаваемости. Даже если тот студент пройдет мимо неё, она вряд ли его узнает. Эта история давно поросла былью, и, кроме самой Сюй Танхуэй, никто уже не стремился докопаться до правды. За годы, проведенные в библиотеке университета, она наверняка сама осознала эту простую истину.

Но человеку нужно во что-то верить, чтобы чувствовать смысл жизни.

Ли Жун отвел взгляд от окна и посмотрел на свои ладони.

«Если я не переверну Исследовательский институт «Хунсо» вверх дном, меня будет пожирать изнутри невыносимая пустота...»

В прошлой жизни он не чувствовал такой жажды, но теперь она крепла с каждым днем. Он хотел, чтобы эти люди познали страх, чтобы они трепетали и каялись. Он хотел стать их ночным кошмаром, заставляя содрогаться при каждой дурной мысли. Он жаждал распорядиться их судьбами, заставляя их униженно молить о пощаде под гул общественного порицания.

Ли Жун не знал, можно ли его еще назвать хорошим человеком, но осознание грядущего триумфа приносило ему колоссальное удовольствие. И он не собирался излечиваться от этой жажды.

Юноша глубоко вдохнул прохладный воздух, но из-за резкого вдоха холод обжег легкие, заставив его закашляться.

Простояв в коридоре еще какое-то время, он так и не получил ответа от Сюй Танхуэй — вероятно, она была слишком занята.

Ли Жун шмыгнул носом и решил показать сертификат Цэнь Сяо. Это была их первая общая «медаль».

В марте Школа А часто утопала в лужах. Снег, скопившийся за зиму, таял, но из-за скупого

весеннего солнца влага испарялась очень медленно.

Вдоль дорог уже просыпались магнолии, их бутоны едва начинали раскрываться, наполняя влажный воздух тонким ароматом. На пути от общежития до учебного корпуса Ли Жуну повсюду встречались белые лепестки.

Не чувствуя никакого давления, он неспешно дошел до столовой и увидел Цзи Сяочуань, которая заказывала в окне острую куриную ножку.

Ли Жун удивленно приподнял бровь.

«Курица на завтрак?»

Поставив поднос со своим супом напротив девушки, он заметил:

— А я думал, ты любишь только сосиски.

В прошлой жизни в Исследовательском институте «Хунсо» он постоянно видел её именно с сосисками.

Цзи Сяочуань откусила кусок мяса, слизала крошки с губ и с улыбкой ответила:

— Вовсе... нет. Просто... из-за бедности. Когда я была... маленькой, то часто ела... острые палочки. Они... дешёвые, и их хватает на... долго.

Теперь она уже не была так бедна. Работая ассистентом у Ли Жуну, она получала по несколько сотен юаней в день и могла позволить себе побаловать чем-нибудь вкусным, не терзаясь угрызениями совести.

Ли Жун с улыбкой покачал головой:

— А ты умеешь находить радость в мелочах.

Цзи Сяочуань поправила очки и забавно захлопала круглыми глазами:

— Я... угощу тебя.

Юноша скривился и слегка отодвинулся:

— Не смогу, слишком жирно.

— Ничуть не жирно! Посмотри на свои... волосы, они такие... тонкие. Тебе точно не хватает... витаминов, — на её лице тут же отразилось искреннее сожаление.

Ли Жун негромко рассмеялся:

— Моя мама была экспертом по питанию и каждый день составляла мне идеальный рацион. Это просто наследственность.

Волосы у него и вправду были тонкими и мягкими; на солнце они отливали золотом, но не выглядели сухими — напротив, сияли здоровым блеском. Глядя на Цзи Сяочуань, он чувствовал умиротворение. Хотя она всё еще заикалась, былая неуверенность и робость почти исчезли.

Вероятно, дело было в их учебной группе, где занимались одни парни — шумные, вечно отвлекающиеся, с огромными пробелами в знаниях. Когда Цзи Сяочуань видела, как они ошибаются в элементарных вещах или не могут запомнить важные моменты, выделенные Ли Жун, она начинала всерьез переживать.

Поначалу она робко и краснея пыталась объяснить материал еще раз, делясь собственным опытом. Но вскоре поняла: если кто-то из парней чихнет, это привлечет больше внимания, чем её слова. Вся компания могла по пять минут обсуждать один чих, пока Ли Жун весело наблюдал за этим балаганом со стороны.

Видя этот хаос, Цзи Сяочуань забыла и о заикании, и о стеснительности. Она начала говорить громче, яростно вдавливая знания в их головы. Темп её речи ускорился, она стала увереннее, и маленькое заикание перестало быть помехой.

Парни, видя такие перемены, находили это забавным и необычным. Иногда они нарочно дразнили её, чтобы посмотреть, как она сердито распахивает свои круглые глаза. После этого они тут же сдавались и, притворно пугаясь, весело кричали:

— Сестра Чуань! Сестра Чуань, остынь!

Иногда, сталкиваясь в коридоре, Цзи Сяочуань пыталась проскользнуть мимо, но ребята специально останавливали её.

— Сестра Чуань, у тебя воротник криво.

Стоило ей опустить взгляд на одежду, как они расплывались в улыбках:

— Ха-ха-ха, шутим!

Цзи Сяочуань оставалось лишь вздохнуть и бросить:

— Скучно!

Она знала, что они просто шутят, и не обижалась. Постоянные перепалки с этой компанией сделали её характер куда тверже. Она понимала: эти люди относятся к ней с искренней симпатией.

Даже Сун Юаньюань и её подружки, какими бы ограниченными они ни были, заметили эти перемены. Им было неважно, почему Цзи Сяочуань изменилась; важнее было то, что у неё появилось много «корешей» и «братьев» из других классов. Некоторые из этих парней были обычными тихонями, но другие имели в школе определенный вес.

Встречая Цзи Сяочуань, они всегда весело заговаривали с ней, и тон их был весьма доверительным. Было очевидно, что в этом общении нет ни капли злобы — только дружеское расположение. Поэтому Сун Юаньюань больше не рисковала задирать её, понимая, что в случае чего эта толпа парней с радостью вступится за свою «сестру».

Цзи Сяочуань в несколько укусов расправилась с курицей и вытерла маслянистые губы. Ли Жун успел съесть лишь пару ложек варёной соевой соломки, а к паровой булочке с бобовой пастой даже не прикоснулся.

Девушка покосилась на часы и деликатно спросила:

— М-м... Ты не собираешься... побыстрее закончить?

— Иди на уроки, — фыркнул Ли Жун. — Меня уже зачислили, так что теперь я буду наслаждаться жизнью и тщательно пережевывать пищу.

— Пока-пока!

Получив разрешение не ждать, Цзи Сяочуань просияла, подхватила рюкзак и умчалась прочь.

Ли Жун смотрел ей вслед, чувствуя, как утренний свет, разлитый по столу, наполняется теплом.

Линь Цинь, Цзи Сяочуань, Сюй Танхуэй, Цзянь Фу. Глядя на них, он иногда верил, что и сам еще может считаться хорошим человеком, идущим правильным путем.

Линь Цинь и Цзи Сяочуань были ему безмерно благодарны. Голова Цзянь Фу была забита юношеским максимализмом, командным духом и жгучей ненавистью к несправедливости. Сюй Танхуэй, помня о доброте Ли Цинли, помогала ему изо всех сил и проявляла искреннюю

заботу.

Юноша не считал, что заслуживает всего этого. На самом деле это они были его источником энергии; ему нужно было видеть в них те прекрасные качества, что присущи обычным людям.

При мысли о Цэнь Сяо Ли Жун невольно сощурился от удовольствия.

«Он станет моим напарником в этой мести. Вместе мы превратимся в ракшасов, при одном упоминании которых «Хунсо» и «Ланьшу» будут содрогаться от ужаса»

«Сейчас мы оба далеки от звания "хороших людей", и именно поэтому мы — идеальная пара»

<http://bllate.org/book/15351/1433103>